

5. ЯЗЫК КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Писатели последней четверти XIX века, поэт **Юлий Ставровский** (Попрадов) и **Евгений Фенцик**, автор стихотворений, рассказов и проповедей, последние значительные представители довоенной письменности Подкарпатской Руси, продолжают писать на русском языке такого же характера, каким писали их предшественники. Стихи Юлия Ставровского, родившегося в самой западной части Подкарпатской Руси в деревне Сулина в Спише, отчетливо показывают, как он постепенно совершенствовался во владении нормами русского литературного языка, в том числе и русского ударения, имеющего большое значение для техники русского стихосложения. Ставровскому пришлось приложить для этого немало усилий, поскольку он был родом из Спиша, где русское разноместное ударение было утрачено. В этом плане для него было очень полезным то, что он в 1879 году поселился в Чертежном, в имении А.И. Добрянского, где он имел возможность ежедневно слышать русскую литературную речь, звучавшую из уст членов семьи А.И. Добрянского. Первые стихи Ставровского были еще на уровне силлабических стихов Духновича, однако его последние стихи уже могут быть сравнены с хорошими русскими стихами. Для сравнения приводим отрывки из стихотворения Ставровского, написанное в 1872 году, когда автор был еще юношей, и из стихотворения, написанного в 1893 году, когда он был уже в зрелом возрасте. Второе стихотворение как с точки зрения языка, так и формы является значительно более совершенным.

Встаньте, народа матери,
Русскихъ сыновъ воспитать!
Встаньте, русскія дочери,
Русскую жизнь развивать!

(„К своему народу”, 1872).

На небѣ безмрачномъ струятся богато
Лучи свѣтозарны, и весь небосклонъ
Расплылся алмазомъ, одѣлся во злато,
Блится красами монаршихъ коронъ.

(„На Бескидѣ”, 1893).

Язык Фенцика, автора стихов, рассказов и проповедей, в отличие от языка старшего поколения писателей, а также от языка Ставровского содержит много искусственных отклонений от обычных грамматических форм русского литературного языка. Важнейшими из них являются следующие: имена прилагательных мужского рода в русском литературном языке под ударением имеют окончание **-ой** (дорогой), а без ударения – окончание **-ый** или **-ий** (*сильный*); Фенцик же непоследовательно употребляет указанные окончания (напр., *дорогий*); в неопределенной форме глагола

вместо русского окончания *-ть* (*звать*) он пишет *-ти* (*звати*); вместо форм *крою*, *мою* от глаголов *крыть*, *мыть* он пишет *крою* или *крыю*. Хотя подобные отклонения встречались и раньше, теперь они появляются значительно чаще. Эти отклонения, с одной стороны, возвращали к нормам старого славяно-русского языка, а с другой, сближали литературный язык с народной речью и были ответом на упреки в стремлении употреблять „московский язык”, звучавшие в устах ярых мадяронов, пытавшихся подорвать любое русское духовное движение. Эти незначительные отклонения остались бы вообще без внимания, если бы в языке отдельных писателей не появлялись языковые ошибки, обусловленные влиянием все усиливающейся мадяризации. Мадьяризация в средних школах была столь сильна, что урок русского языка, будучи к тому же еще и необязательным, не мог нейтрализовать это влияние и дать детям необходимые знания родной речи в ее литературном звучании, поэтому, кроме мадяризов, в литературный язык проникали и диалектизмы.

Пример поэтического языка Евгения Фенцика:

Тучи обняли Карпаты,
Изо всѣх темнѣть странъ.
Вижу: черная, крылата
Мчится прямо гибель къ намъ.
Вопли, стоны слышны всюду,
Русь отчаянья полна,
И измученному люду
Жизнь наскучила больна.

(„Современный стих”).

Восьмидесятые годы ознаменовались изданием в Подкарпатской Руси словарей. В 1881 году был издан русско-венгерский словарь Александра Митрака („Русско-мадярский словарь”, 4⁰, VII, 854). Это была первая попытка такого рода, обращенная к мадяризованной части образованных людей Подкарпатской Руси и свидетельствующая о трудолюбии автора, добросовестно собравшего множество подкарпаторусских слов, что наряду с переводом на венгерский язык общеупотребительных слов русского литературного языка до сих пор не получило должной оценки. Вторая, венгеро-русская часть словаря вышла в свет только после переворота (4⁰, 1020).

Тревога, возникшая после появления упреков в употреблении „московского языка”, не была праздною, ибо под этим предлогом венгерское правительство попыталось в восьмидесятые годы ввести в школы Подкарпатской Руси в качестве языка обучения один из местных говоров – говор, распространенный в самой южной части Бережского комитата, в котором было много слов, заимствованных из венгерского языка. В осуществление этого плана включился **Василий** (по-венгерски Ласлов) **Чопей**, написавший